

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОЙ НОРМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У ЛЮДЕЙ С НОРМАТИВНОЙ И ДИФFUЗНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ

© 2017

А.Ю. Чернов, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии
И.С. Буланова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

Ключевые слова: религиозные нормы; религиозная норма ответственности; нормативная религиозность; диффузная религиозность.

Аннотация: Статья посвящена феноменологическому анализу религиозной нормы ответственности у людей с разным типом религиозности. Религиозные нормы рассматриваются как регуляторы социального, группового и индивидуального поведения, основанные на контринтуитивных репрезентациях. Выявленные в ходе предыдущего исследования виды религиозных норм позволяют перейти к вопросу о структуре и содержании этих видов в зависимости от конфессиональной принадлежности и типа религиозности. Метод сбора данных соответствовал всем критериям валидности качественного исследования. Основным критерием дифференциации респондентов по типу религиозности были параметры воцерковления. Методом сбора данных послужили групповые интервью. Основным методом анализа данных был феноменологический анализ, эвристический подход.

В результате проведенного анализа выявлена структура религиозной нормы ответственности. Она представляет собой две основные категории, описывающие репрезентации религиозной нормы атрибуции ответственности: объективный и субъективный аспекты. Объективный аспект подразумевает репрезентацию социальной ситуации ответственности, а также репрезентацию принятия ответственности. Субъективный аспект подразумевает локус ответственности и ее мотивации. У верующих с нормативной религиозностью преобладает субъективный аспект репрезентации ответственности, в то время как у верующих с диффузной религиозностью – объективный. Нормативная религиозность переносит локус ответственности преимущественно «вовнутрь», что происходит за счет идентификации с интроецированным контринтуитивным агентом, объектом веры. Диффузная религиозность, напротив, предполагает акцент на объективном аспекте репрезентации ответственности. Он позволяет снизить самоконтроль, найти оправдание «безответственности», осуществлять выбор между альтернативами «за себя – за других», «за события – за действия».

ВВЕДЕНИЕ

В представленной работе религиозные нормы рассматриваются с точки зрения когнитивной психологии, социально-когнитивной психологии, когнитивной психологии религии [1–3]. В этом случае ключевыми теоретическими конструктами являются «контринтуитивность» и «контринтуитивные агенты» (П. Буайе, Д. Баррет, И. Пусайен).

Контринтуитивность подразумевает, что знание человека о реальности всегда ограничено и недостаточно. Люди часто чувствуют, что в ней есть нечто большее, чем доступно непосредственному восприятию. Это мистическое часто является объектом серьезной веры. Контринтуитивные агенты – это факторы, под влиянием которых возникает и проявляется вера в «мистическое». Исходя из этого, в когнитивной психологии религия – это феномен, основанный на способности человека формировать контринтуитивные идеи, репрезентировать их и обращаться с ними как с символами. Следовательно, предметом психологического исследования религии становятся паттерны мышления и поведения, которые включают контринтуитивные репрезентации (КИР).

Можно говорить о двух разновидностях контринтуитивных репрезентаций. Индоктринированные КИР возникают в результате религиозного обучения, религиозной социализации, участия в религиозных практиках (молитвах, ритуалах и т. п.). Индоктринированные КИР репрезентируются как доминирующая религиозная схема, закодированная в семантической памяти и не имеющая индивидуального характера. Об индоктринированных КИР можно говорить как о «религиозной вере». С другой стороны, имеются «имажетивные» КИР.

Они представляют собой эмоционально нагруженные мысли и впечатления, формирующиеся под влиянием спонтанного религиозного опыта. Они содержатся в эпизодической памяти как уникальные события. Индоктринированные и имажетивные КИР не существуют в изоляции. Они могут усиливать друг друга или находиться в противоречии, создавая напряжение, ведущее, например, к мистицизму [4; 5].

В нашем исследовании религиозные нормы – это регуляторы социального, группового и индивидуального поведения, детерминированные индоктринированными и/или имажетивными персонифицированными контринтуитивными репрезентациями. Религиозные нормы, так же как и социальные, являются регуляторами социального, группового и индивидуального поведения тогда, когда проявляются вне институализированных религиозных практик, в повседневной жизни.

Эвристическая ценность приведенного определения заключается в конструировании потенциала эмпирического изучения религиозных норм, предполагающего интеграцию их качественного и количественного анализа. Качественный подход позволяет решить задачи выявления видов религиозных норм и определения их структуры.

На первом этапе эмпирической работы с использованием качественной исследовательской методологии и методов феноменологии и матричного анализа были выявлены виды религиозных норм: нормы атрибуции ответственности, нормы социального взаимодействия, нормы межличностного взаимодействия, нормы самопрезентации [6; 7].

Следующий этап посвящен рассмотрению содержания и структуры выявленных видов религиозных норм. В предлагаемой статье эта работа совершается в отношении одного из видов – религиозной нормы атрибуции ответственности.

Ответственность, как психологический феномен, изучается с разных сторон [8–10]. Приятно считать, что она является многокомпонентным образованием, присущим личности как субъекту жизнедеятельности. В силу разного сочетания и степени выраженности компонентов и параметров ответственность может выступать либо как ситуативное отношение к определенной ситуации или классу жизненных ситуаций, либо как устойчивое свойство личности. Как следствие, детерминантами ответственности выступают, с одной стороны, индивидуально-психологические характеристики, такие как самостоятельность, уверенность, локус контроля, мотивация достижения и уровень притязаний, а с другой стороны, ситуационные детерминанты ответственности, определяющие степень ее принятия и реализации [11; 12].

Вместе с тем, по нашему мнению, неуместно игнорировать социальный контекст проявления ответственности. Она связана с репрезентациями культурных ценностей, социальных норм, способами построения межличностных отношений. В связи с этим вопрос о содержании и структуре религиозной нормы атрибуции ответственности необходимо формулировать и как вопрос о специфических социальных характеристиках ее субъекта.

К этим характеристикам мы относим прежде всего тип религиозности. Критерием различения типов условно считаем соотношение в индивидуальном религиозном опыте индокринированных и имажетивных контринтуитивных репрезентаций. Первый тип – нормативный. Он распознается за счет преобладания индокринированных контринтуитивных репрезентаций и проявляется как результат религиозной социализации, предмет религиозной самокатегоризации и субъект религиозной самоидентичности. В упрощенном виде этот тип можно представить как «истинно верующий». Второй тип религиозности – диффузный. Здесь преобладают имажетивные контринтуитивные репрезентации. Их спонтанность и неотрефлексированность выражается в отсутствии осознанных и прочных целей, убеждений, ценностей, связанных с религией, и попыток их активно формировать.

Цель исследования – выявление специфического содержания и структуры религиозной нормы атрибуции ответственности у людей с нормативной и диффузной религиозностью.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выявления содержания и структуры религиозной нормы атрибуции ответственности использовался феноменологический анализ вербального материала, полученного в результате проведения серии групповых интервью. Среди различных вариантов феноменологического анализа в качестве наиболее подходящего для решения задач конкретного исследования был выбран эвристический подход. Эвристика понимается как универсальная методология, санкционирующая поиск и решение проблем в условиях неопределенности. Ее ха-

рактерными свойствами являются, во-первых, использование индукции в решении стоящих перед исследователем задач и, во-вторых, ориентация на поиск новых для субъекта и общества описаний на основе классификаций и систематики [13].

Эвристический вариант качественного психологического исследования разработан У. Мустакасом. Конечной целью является исследование данных посредством их творческого комбинирования, отбора и сортировки, внимания к незначительным на первый взгляд деталям, к многослойности смыслов. Это исследование ради синтеза, достигаемого пониманием того, что скрыто в самой сущности исследуемого феномена [14].

Организация исследования предполагала использование критериальной выборки респондентов. Критериальная выборка состоит в том, что респонденты отвечают какому-либо заранее установленному критерию. Критерием нормативной религиозности, с нашей точки зрения, является воцерковленность [15]. В первую группу вошли верующие из числа церковного прихода. Сами фокус-группы проводились при церкви, в воскресных школах, что также удовлетворяло требованию соблюдения нормативного контекста. Для дифференциации людей с диффузной религиозностью был использован опросник В.Ф. Чесноковой [16]. В случае если респонденты считали себя верующими, но не отвечали требованиям воцерковленности, они были отнесены к диффузным.

Предъявляемый респондентам с «нормативной» и «диффузной» религиозностью стимульный материал, с одной стороны, был обращен к контринтуитивной сфере, с другой стороны, раскрывал тему ответственности.

Далее по составленному плану вопросов была организована групповая дискуссия. В процессе сбора данных были соблюдены требования, предъявляемые к валидности полученных в феноменологическом исследовании результатов. Достоверность результатов обеспечивалась за счет систематичности и последовательности, сбора данных, обеспечения их информационной и смысловой насыщенности, использования приемов транскрибирования и маркировки первичных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Систематизация лингвистических данных позволила установить две основные категории, описывающие репрезентации религиозной нормы атрибуции ответственности (рис. 1). С одной стороны, это объективный аспект репрезентации. В нем представлены, во-первых, непосредственно воспринимаемые респондентами черты и свойства социальной ситуации, в которой актуализируется потребность или необходимость «быть ответственным», и, во-вторых, процессуальные установки, определяющие проявления ответственного поведения. Содержание объективного аспекта репрезентации конкретизировано субординативными по отношению к нему элементами. Репрезентация социальной ситуации предполагает ответственность «за себя» или «за других», репрезентация процесса – ответственность за «события» или «за действия».

С другой стороны, в лингвистическом материале четко представлен субъективный аспект репрезентации исследуемой религиозной нормы. Содержательно он

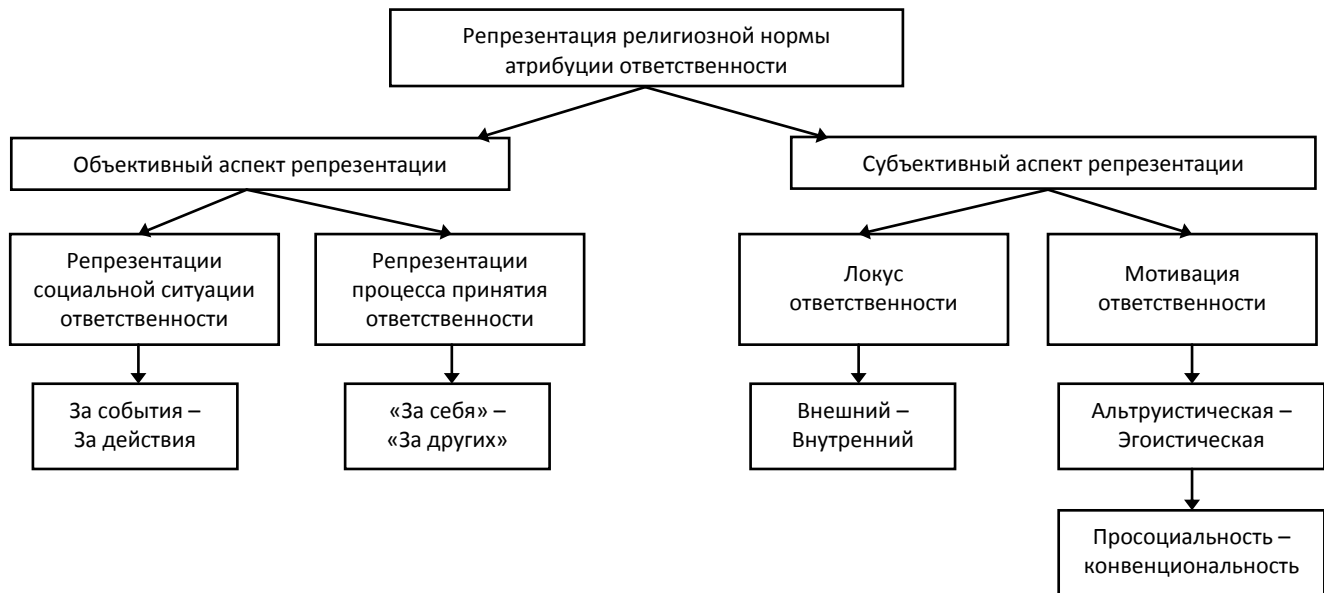

Рис. 1. Структура и содержание религиозной нормы атрибуции ответственности

представлен «локусом ответственности» [17]. Локус ответственности, в отличие от экстерналистского и интерналистского локуса контроля, является не поведенческой установкой, а способом атрибуции последствий своих поступков. Тогда внутренняя ответственность предполагает, что человек объясняет происходящее с ним как результат собственных усилий, внешняя ответственность состоит в том, что человек объясняет события своей жизни стечением обстоятельств, воздействием «объективной» ситуации. Сходная точка зрения высказывается И.Л. Суриной, которая в своей типологии видов ответственности как противопоставленные выделяет «оптимальную» и «ситуативную» ответственность, по смыслу совпадающие с «внутренней» и «внешней» ответственностью [18].

Таким образом, обладая экстерналистским локусом контроля, человек все же может характеризоваться как обладающий «внутренней» ответственностью. Его идентичность может быть выражена следующей формулой: «я противопоставляю себя миру, где контролировать что-либо невозможно». Сочетание экстерналистского локуса контроля и «внешней» ответственности приводит к позиции, определяемой как «события не поддаются контролю, поэтому я плыву по течению». Интернальность и «внутренняя» ответственность позволяют человеку идентифицировать себя следующим образом: «я использую то, что события поддаются контролю, в своих интересах». Наконец, сочетание интернальности и «внешней» ответственности приводит к идентичности, содержание которой может быть выражено следующим образом: «то, что мир упорядочен и предсказуем, – не более чем иллюзия».

Другой компонент субъективного аспекта репрезентации нормы атрибуции ответственности представлен ее мотивационным содержанием. В этом случае обобщение лингвистического материала позволяет сделать заключение о наличии противопоставления эгоистической и альтруистической мотивации. Критериями их различия выступают, во-первых, ориентация на просоциальное поведение и, во-вторых, следование «пра-

вилам игры». Просоциальное поведение означает любые действия, которые: а) имеют целью принести пользу другому человеческому существу, б) доставляют реальную пользу другому человеку (другим людям) и в) совершаются бескорыстно, исключительно из альтруистических побуждений [19]. Следование «правилам игры» означает соблюдение конвенций, установленных во взаимоотношениях людьми, Богом и т. п.

Таким образом, в ходе феноменологического анализа удалось выявить структуру и содержание религиозной нормы атрибуции ответственности. Следующий результат аналитической работы относится к установлению специфики ее репрезентации респондентами с нормативной и диффузной религиозностью.

Различия здесь состоят, главным образом, в субъективном аспекте. Нормативная религиозность переносит локус ответственности преимущественно «вовнутрь». Это происходит за счет идентификации с интроецированным контринтуитивным агентом, объектом веры. По той же причине у «истинно верующих» преобладает конвенциональный компонент мотивации ответственности. «Договор» с Богом (контринтуитивным агентом) не позволяет нарушать правила, предписываемые в той или иной мере усвоенными догматами и заповедями.

Преобладание субъективного компонента в репрезентации исследуемой религиозной нормы, на наш взгляд, может иметь следующую психологическую интерпретацию. Ответ на вопрос о причинах установленного преобладания связан с понятием «отсрочки вознаграждения» – способностью отказываться от сиюминутной выгоды ради благополучного будущего [20]. Контринтуитивный агент (Бог) обещает награду и грозит наказанием за непослушание в будущем, в «ином существовании». Отсюда возникает тенденция к самоограничению сиюминутных импульсов, отказ от поиска альтернативных способов удовлетворения потребностей и противостояния стрессу. Диффузная религиозность, напротив, предполагает акцент на объективном аспекте репрезентации ответственности. Он позволяет снизить давление самоконтроля, найти оправдание

«безответственности», осуществлять выбор между альтернативами «за себя – за других», «за события – за действия».

В заключение следует отметить, что различия в репрезентации религиозной нормы атрибуции ответственности носят гипотетический характер, что в целом соответствует возможностям феноменологического анализа. Дальнейшее исследование требует интеграции качественного и количественного подходов.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Религиозные нормы как детерминанты адаптивного социального поведения в межконфессиональном пространстве Нижнего Поволжья» № 17-16-34018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-пресс, 2004. 288 с.
2. Буайе П. Объясняя религию: природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 496 с.
3. Pyysiäinen I. How religion works: toward a new cognitive science of religion. Boston: Brill, 2001. 284 p.
4. Whitehouse H. Modes of religiosity: towards a cognitive explanation of the sociopolitical dynamics of religion // *Method and Theory in the Study of Religion*. 2002. № 14. P. 293–315.
5. Whitehouse H. Modes of religiosity // *ATLA*. 2008. Vol. 37. № 4. P. 108–112.
6. Чернов А.Ю. Качественное исследование видов религиозных норм // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Педагогика, психология. 2017. № 3. С. 88–92.
7. Буланова И.С. Эмпирическое исследование религиозных норм как личностных репрезентаций обыденного сознания // *Религиоведческие исследования*. 2017. № 2. С. 121–131.
8. Дементий Л.И. Ответственность: типология и личностные основания. Омск: ОмГУ, 2001. 192 с.
9. Кочарян И.А. Двухвекторный подход к концептуализации проблем эмоциональной близости и ответственности в межличностных отношениях // *Вісник Харківського університету*. Серія психологія. 2007. № 793. С. 217–222.
10. Франкл В. Духовность, свобода и ответственность // *Человек в поисках смысла: сборник*. М.: Прогресс, 1990. С. 93–130.
11. Auhagen A.E., Bierhoff H.W. Responsibility: The Many Faces of a Social Phenomenon. London: Routledge, 2001. 202 p.
12. Lucas J.R. Responsibility. Contributors. Oxford: Clarendon Press, 1995. 312 p.
13. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 840 с.
14. Moustakas W.F. Heuristic research // *Challengers of Humanistic Psychology*. New York: McGraw Hill, 1967. P. 38–52.
15. Безрогов В.Г. Социальное пространство личности Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива // *Развитие личности*. 2002. № 4. С. 115–136.
16. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.
17. Ellemers N., Spears R. Self and Social Identity // *Annual Review of Psychology*. 2002. № 4. P. 161–185.
18. Сурина И.Л. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. М.: Голос, 1996. 126 с.
19. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2013. 322 с.
20. Mischel W. Processes in delay of gratification // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1974. Vol. 7. P. 249–292.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsialnogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow, Aspekt-press Publ., 2004. 288 p.
2. Buaye P. *Obyasnyaya religiyu: priroda religioznogo myshleniya* [Et l'homme crea les dieux. Comment expliquer la religion Galimard]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2017. 496 p.
3. Pyysiäinen I. *How religion works: toward a new cognitive science of religion*. Boston, Brill Publ., 2001. 284 p.
4. Whitehouse H. Modes of religiosity: towards a cognitive explanation of the sociopolitical dynamics of religion. *Method and Theory in the Study of Religion*, 2002, no. 14, pp. 293–315.
5. Whitehouse H. Modes of religiosity. *ATLA*, 2008, vol. 37, no. 4, pp. 108–112.
6. Chernov A.Yu. Qualitative research of kinds of religious norms. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2017, no. 3, pp. 88–92.
7. Bulanova I.S. Empirical study of religious norms of ordinary religious consciousness. *Religiovedcheskie issledovaniya*, 2017, no. 2, pp. 121–131.
8. Dementiy L.I. *Otvettstvennost: tipologiya i lichnostnye osnovaniya* [The responsibility: classification and personal basis]. Omsk, OmGU Publ., 2001. 192 p.
9. Kocharyan I.A. Two-vector approach to the conceptualization of problems of emotional intimacy and responsibility in interpersonal relationships. *Visnik Kharkivskogo universitetu. Seriya psikhologiya*, 2007, no. 793, pp. 217–222.
10. Frankl V. Spirituality, freedom and responsibility. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 93–130.
11. Auhagen A.E., Bierhoff H.W. *Responsibility: The Many Faces of a Social Phenomenon*. London, Routledge Publ., 2001. 202 p.
12. Lucas J.R. *Responsibility. Contributors*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1995. 312 p.
13. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1989. 840 p.
14. Moustakas W.F. Heuristic research. *Challengers of Humanistic Psychology*. New York, McGraw Hill Publ., 1967, pp. 38–52.
15. Bezrogov V.G. Social space of personality Religious socialization and the exercise of the right to belief in

- tergenerational relations: the twentieth century and the perspective. *Razvitie lichnosti*, 2002, no. 4, pp. 115–136.
16. Chesnokova V.F. *Tesnym putem: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [By a Narrow Way. The Process of Churching of the Population in Russia at the End of the 20th Century]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005. 304 p.
17. Ellemers N., Spears R. Self and Social Identity. *Annual Review of Psychology*, 2002, no. 4, pp. 161–185.
18. Surina I.L. *Tsenostnye orientatsii kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya* [Value orientations as a subject of sociological research]. Moscow, Golos Publ., 1996. 126 p.
19. *Entsiklopedicheskiy slovar po psikhologii i pedagogike* [Encyclopedic dictionary of psychology and pedagogy]. Saratov, Saratovskiy gosudarstvennyy sotsialno-ekonomicheskii universitet Publ., 2013. 322 p.
20. Mischel W. Processes in delay of gratification. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1974, vol. 7, pp. 249–292.

PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF THE RELIGIOUS NORMS OF RESPONSIBILITY IN PEOPLE WITH NORMATIVE AND DIFFUSIVE RELIGIOUSNESS

© 2017

A.Yu. Chernov, Doctor of Science (Psychology), Associate Professor, professor of Chair of Psychology
I.S. Bulanova, PhD (Psychology), assistant professor of Chair of Psychology
Volgograd State University, Volgograd (Russia)

Keywords: religious norms; religious norm of responsibility; normative religiousness; diffusive religiousness.

Abstract: The paper phenomenologically analyzes religious norms of responsibility in people with different types of religiousness. Religious norms are considered as regulators of social, group and individual behavior based on counter-intuitive representations. The types of religious norms revealed in the course of the previous research allow studying the question of the structure and content of these types depending on the confessional identity and type of religiousness. This article is devoted to the phenomenological analysis of the religious norm of responsibility in people with different types of religiousness. The method of data collection met all criteria of validity of qualitative research. The main criterion for differentiation of respondents according to the type of religiousness was the parameters of churching. The method of data collection was group interviews. The main method of data analysis was phenomenological analysis, a heuristic approach.

As a result of the analysis, the structure of the religious norm of responsibility was revealed. It represents two main categories describing the representations of the religious norm of responsibility attribution: objective and subjective aspects. The objective aspect implies the representation of the social situation of responsibility, as well as representation of acceptance of the responsibility. The subjective aspect implies a locus of responsibility and its motivation. The subjective aspect of responsibility representation is dominant in believers with normative religiousness, while the objective aspect – in believers with diffusive religiousness. Normative religiosity shifts the locus of responsibility mainly “inward”, which occurs due to identification with the introjected counter-intuitive agent, the object of faith. Diffusive religiousness, on the contrary, implies an emphasis on the objective aspect of the responsibility representation. It allows one to reduce self-control, find an excuse for “irresponsibility”, choose between alternatives “for yourself or for the others”, “for events or for actions”.